

С. В. Воробьев*ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург*

СЛУЖЕБНЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ УРАЛА В УСЛОВИЯХ НЭПА *

В начале 1920-х гг. советская система управления еще находилась в стадии становления, структурные подразделения, призванные осуществлять контрольно-надзорные функции, не справлялись с ними в полном объеме. Жесткая аппаратная вертикаль с партийным контролем деятельности нижестоящих и ведомственных органов управления также окончательно не оформилась, особенно в провинции. В этот период местные органы власти действовали в достаточной степени автономно от центрального руководства, позволяя себе игнорировать указания вышестоящих инстанций¹.

Подобное неудовлетворительное состояние советской системы управления признавалось на всех этажах властной пирамиды – от высшего эшелона управления до региональных и местных структур власти. В декабре 1921 г. председатель Екатеринбургского губисполкома С. А. Новоселов следующим образом оценивал состояние административного аппарата исполнительной власти губернии: «Все отделы существуют, аппарат налажен, но [...] хотя формально организационная работа закончена и выполнена, но практически многое еще не удалось провести. Дело тормозится сильно тем, что нет кадра опытных работников, которые могли бы правильно и умело вести работу, приходится их еще обучать и налаживать»².

В силу объективных причин в начале 1920-х гг. отсутствовал действенный, эффективный механизм контроля деятельности работников партийных, советских и хозяйственных органов власти на местах. В результате не только не были изжиты «родимые пятна» прежней царской административной системы, такие как бюрократизм, неповоротливость, бездушные чиновников, коррумпированность, но в известном смысле они проявились более рельефно. Молодая советская управленческая «элита», не чувствуя над собой постоянного контроля вышестоящих инстанций, вела себя зачастую вызывающе, нарушая этические нормы поведения, вызывая неудовольствие и возмущение со стороны рабочей и кре-

* Работа выполнена по бюджетной теме Х.105. «Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом и культурном процессе» и программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук. Проект «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы» № 12-Т-6-1003.

стьянской общественности, интересы которой должна была по идее обслуживать. Невысокие морально-нравственные качества части ответственных работников создавали благоприятные условия для злоупотреблений и вели к падению авторитета власти в глазах населения.

В условиях высокой социальной мобильности, вызванной революционными событиями, среди тех, кто стремился попасть и попадал во властные структуры нового политического режима, встречались и такие персонажи, которые рассматривали власть как источник улучшения собственного благосостояния, личной наживы. По свидетельству очевидца той эпохи, являвшегося советским служащим Наркомата снабжения РСФСР и, следовательно, знавшего ситуацию изнутри, «в массу советских работников внедрилось немало людей, проходящих под флагом политической борьбы и большевистских убеждений только для удовлетворения своих нечестных алчных наклонностей»³.

Власть как форма служения народу, проявления высокой гражданской позиции оставались для таких советских чиновников пустым звуком. Борьба за революционные идеалы, за светлые идеи коммунизма для многих новоявленных работников властных структур были плохо понятны и абстрактны, а блага, которые давала власть, вполне осязаемы и приятны. Такие люди не могли подняться выше примитивного, упрощенного понимания целей власти, ее предназначения. Как следствие этого – неспособность и нежелание партийных и советских ответственных работников, а также рядовых сотрудников аппарата решать проблемы людей, коррумпированность, моральное разложение, злоупотребление властью. И. В. Нарский рассматривает такое стремление получить должность во власти как элемент стратегии выживания человека в тяжелый период российской истории, «когда в обстановке нараставшей нищеты мотив выживания отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению»⁴. Во времена «военного коммунизма» обладание административным ресурсом, связанное с правом распоряжения материальными и финансовыми средствами и их распределением, вызывало у ряда ответственных работников и служащих желание «обналичить» административный ресурс, использовать его для получения жизненных благ.

Подобная стратегия поведения советских управленцев получила благоприятную почву для дальнейшего развития в условиях новой экономической политики большевиков. Меняются «правила игры» в сфере экономики, возрождается свободная предпринимательская деятельность. В социальной структуре российского общества вновь возникает слой частных предпринимателей мелкой и средней руки, так называемых «нэпманов». Однако представители этого социального слоя не имели права вступать в правящую коммунистическую партию, даже

если у них возникало подобное желание. Партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классовой чистоты партийных рядов пролетарской партии, ограждении РКП(б) от «мелкобуржуазного заражения». Не имея возможности напрямую отстаивать свои интересы через партийно-государственные и хозяйственные структуры, предприниматели искали неофициальные пути решения своих вопросов, устанавливая неформальные личные контакты с представителями власти, хозяйственных органов, от которых зависело принятия нужного для них решения или получение необходимых ресурсов. Эти доверительные отношения между ответственными работниками, хозяйственными руководителями, служащими и нэпманами носили, конечно, не бескорыстный характер, а подкреплялись материальными стимулами со стороны последних.

В связи с этим в период нэпа негативные черты поведения молодого советского чиновничества стали проявляться особенно ярко. Возникла благоприятная экономическая среда, в которой эти пороки стали расцветать пышным цветом, возобладали мелкобуржуазная психология, начал разгораться алчный азарт стяжательства. В определенном смысле такое поведение было обусловлено социальной психологией новых «хозяев» России. В своем большинстве ответственные руководители и хозяйственники являлись выходцами из социальных низов российского общества. Низкий образовательный и культурный уровень этих советских управленцев способствовал тому, что полученные властные возможности они направляли не на удовлетворение и повышение духовных потребностей, а на материальную сферу, конвертировали их в вещественные радости жизни.

Таким образом, под влиянием нэпа начинает формироваться определенный стиль жизни партийно-советской и, особенно, хозяйственной «элиты», отклоняющийся от официально декларируемого образца. Неотъемлемым элементом такого стиля жизни становятся коррупционные практики. Коррупционное поведение на практике выражалось в злоупотреблении служебным положением, взяточничестве, казнокрадстве, т.е. бесконтрольном и нецелевом расходовании финансовых и материальных средств учреждений и организаций, как правило, на собственные нужды. В партийных документах этого периода для обозначения подобных проявлений характерных для «непарядного» стиля жизни представителей власти в обиход вводятся выражения «хозяйственное обращение», «припадание к нэп».

Зачастую ведение не советского, а фактически буржуазного образа жизни представители новоявленной советской «элиты» и не старались особо скрывать от окружающих. Неправедно полученные средства нуж-

ны были партийно-советским функционерам и хозяйственным работникам для приобретения соответствующих вещественных атрибутов, указывающих на привилегированный статус обладателя: «... отдельные работники имеют в своем собственном распоряжении, а часто и в личном владении автомобили, собственные конюшни со скаковыми и выездными лошадьми, собственные коляски и т. д.»⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что должностные злоупотребления нередкие и в период «военного коммунизма» с началом нэпа начинают приобретать массовый характер⁶. В 1925 г. должностные преступления составляли более 60 % от общего числа преступлений, в дальнейшем ситуация еще более ухудшалась⁷. По данным общесоюзной статистики в 1924 г. за присвоение, растраты и подлог к уголовной ответственности было привлечено 220 человек, а в 1928 г. уже 3634 человека (в 16,5 раза больше); за взяточничество в 1924 г. к суду привлечено 364 человека, в 1928 г. – 4407 человек (в 12 раз)⁸. На местах появились целые преступные группы, состоявшие из десятков и даже сотен сотрудников различных учреждений и организаций⁹.

В условиях нэпа, предоставившего определенную экономическую свободу, возростала роль и самостоятельность хозяйственных руководителей предприятий и организаций Урала, так как они непосредственно распоряжались их продукцией и финансовыми средствами. Нередко, в условиях недостаточного контроля со стороны партийных и государственных органов, это приводило к злоупотреблению ими своим служебным положением.

Хозяйственники в отличие от других советских управленцев в силу своего особого положения могли совершать более серьезные по своим масштабам должностные преступления. На практике, как отмечалось в документах партийных органов Урала, это проявлялось в экономических злоупотреблениях, непроизводительном расходовании средств предприятий на личные цели, когда «хозяйственники, задерживая жалование рабочим, покупают за миллиарды технически ненужный автомобиль, когда они без нужды взвинчивают индивидуальные ставки, явно за счет рабочих, когда в обстановке огромной нужды устраиваются пышные банкеты и т. д.»¹⁰.

Упоминавшаяся выше любовь к лошадям со стороны представителей власти не обошла стороной и уральских хозяйственников. Видимо, эта любовь приобрела такие масштабы в период нэпа, что партийным инстанциям пришлось принимать по этому поводу специальное постановление. В августе 1923 г. на заседании Уралбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос «О конезаводстве на Урале». Было принято решение «считать совершенно недопустимым содержание хозяйственными,

кооперативными и т. п. организациями специальных беговых лошадей и конюшен, так как это создает лишние накладные расходы и отвлекает хозяйственников от непосредственной работы»¹¹. Правда, допускалось участие в скачках штатных лошадей хозяйственных организаций, но хозяйственные руководители предупреждались о привлечении к ответственности, если такое участие будет «связано с поступками, роняющими авторитет партии и Советской власти» или нанесет материальный ущерб хозяйственному органу¹².

Весьма распространенным среди хозяйственных руководителей должностным преступлением являлась крупная растрата денежных и материальных средств предприятия. Любые попытки осуществить ревизию их деятельности натывались на ожесточенное сопротивление. Так, председатель ревизионной комиссии каменноугольной промышленности Урала в ноябре 1924 г. отмечал в докладной записке, что столкнулся с серьезными трудностями при проверке деятельности Егоршинского каменноугольного треста. После того как в ходе проверки были выявлены серьезные злоупотребления и финансовые махинации «работа Р[евизионной] К[омиссии] стала не только затруднительна, но даже опасна для жизни самих ее членов...», так как стали поступать угрозы со стороны руководства треста¹³.

Подобное поведение было также связано с тем, что не всегда постоянный и действенный контроль над деятельностью уральских хозяйственных руководителей был возможен из-за удаленности предприятий (заводов, рудников, приисков, копей) от крупных городских центров. Здесь руководители предприятий были почти не досягаемы для Уралбюро ЦК РКП(б) и губкомов партии, а решения местных партийных ячеек они игнорировали. Так, на Кылымском платиновом прииске администрация имела фактически неограниченную власть: «... она творит суд и расправу, увольняет и нанимает самостоятельно без биржи труда»¹⁴. Приисковая партийная ячейка во главе с секретарем – членом партии с 1905 г. – пыталась отстаивать интересы и права рабочих перед администрацией, но оказалась бессильной в этой борьбе и постоянно терпела фиаско, не находя поддержки со стороны рабочих. Работники прииска боялись администрации, во главе которой стоял «беспартийный спец – пьяница-дебошир» превратившийся фактически в местного «царька». Его «царское» положение обеспечивало вооруженное подразделение, так называемая Горная охрана, «находящаяся на содержании администрации приисков, следовательно, и выполняющая слепо все ее приказания в какой бы то ни было форме»¹⁵.

В некоторых случаях самовластие хозяйственных руководителей и уверенность в собственной безнаказанности приобретали крайние

формы проявления. Назначенный в апреле 1922 г. директором Верхнесалдинского металлургического завода бывший член РКП(б) К.С. Рукавишников повел себя как полновластный хозяин. Он позволял себе рукоприкладство в отношении рабочих, ругал их площадными словами. На заводе была создана система осведомителей, состоявшая «из отдельных лиц администрации, отдельных рабочих и даже партийцев, и горе тому, кто выражает плохое мнение о Рукавишникове, тот будет выброшен из завода или стеснен в чем-либо»¹⁶. Рабочие не видели никакой разницы между управляющим бывшего владельца завода и советским директором – «управителем Средне-Уральского треста Рукавишниковым». Директор держал в страхе не только рабочих, но и завком, заводскую партийную ячейку и даже волостной комитет партии, открыто заявляя: «всех коммунистов вышибу из завода»¹⁷. В результате ни ячейка, ни секретарь ячейки, ни волком не пользовались у рабочих завода никаким авторитетом, так как не могли защитить их от произвола администрации. Рукавишников имел надежных покровителей в вышестоящих хозяйственных органах и, чувствуя свою безнаказанность, вел себя, как настоящий барин: за счет казенных средств устраивал медвежьи охоты, покупал моторные лодки для прогулок, привлекая рабочих в качестве обслуживающего персонала¹⁸.

Партийные инстанции, осознавая серьезную угрозу для авторитета власти и ее нормального функционирования, участвовавших в условиях нэпа фактов морального разложения и коррупции в системе управления, старались противодействовать взяточничеству, «обуржуазиванию» и другим негативным явлениям среди партийных, советских и хозяйственных работников, и, по возможности, пресекать их на корню. Периодически принимались различные постановления, издавались циркуляры, осуждавшие излишества и отступления от норм партийной этики. Провинившихся привлекали к дисциплинарной и партийной ответственности, возбуждали уголовные дела. Проводились различные массовые мероприятия, направленные на оздоровление партийных рядов. В результате чисток 1921 г. из РКП(б) за взяточничество, вымогательство и другие злоупотребления были исключены около 17 тыс. человек¹⁹. Вслед за этим в осенью 1922 г. была объявлена общероссийская кампания по борьбе с взяточничеством, длившаяся до осени 1923 г. В рамках кампании проводились показательные процессы в отношении партийных и советских чиновников-взяточников, хозяйственников и представителей частного капитала²⁰.

Однако подобные мероприятия вышестоящих партийных органов в условиях нэпа носили паллиативный характер, не позволяя кардинально искоренить проявления коррупции, взяточничества, служебных

злоупотреблений в среде советской политической и хозяйственной номенклатуры, а лишь удерживали ее в определенных рамках. Соблазны нэпа были очень велики.

Примечания:

¹ Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 273; Воробьев С. В. Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 50.

² Доклад председателя Екатеринбургского губернского исполкома С. А. Новоселова на заседании 5-го Екатеринбургского губернского съезда советов о результатах перехода к НЭПу // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. 1. 1917–1945. Екатеринбург, 2005. С. 304.

³ Цит. по: Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 115.

⁴ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 444–445.

⁵ Циркуляр ЦКК РКП(б) № 58 от 19 октября 1923 г. «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии» // Справочник партийного работника. Вып. IV. М., 1924. С. 277.

⁶ Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 260, 263.

⁷ Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007. С. 21–22.

⁸ Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013. С. 113.

⁹ Нарский И. В. Указ. соч. С. 449–450.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 459. Л. 5.

¹¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 66. Л. 48.

¹² Там же.

¹³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 68. Л. 19.

¹⁴ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 230 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Борисова Л. В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84.

²⁰ См. подробнее: Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Указ. соч.